

Прогулки по Стамбулу

Сергей Иванов

в поисках Константинополя

Corpus

В этой увлекательной книге про вечный город Константинополь историку-византисту Сергею Иванову удалось соединить информативность с незанудностью — редкое и драгоценное сочетание.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА

БОРИС АКУНИН

УДК 908(560-25)
ББК 26.89(5Туц)
И20

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Иванов, Сергей.

И20 Прогулки по Стамбулу в поисках Константинополя / Сергей Иванов. — Москва:
Издательство АСТ : CORPUS, 2016. — 688 с. (История одного города)

ISBN 978-5-17-094179-7

Этот путеводитель ни слова не говорит о том, где в Стамбуле ночевать, чем питаться и что покупать. И все же взять его с собой необходимо. Сергей Иванов, специалист по истории и культуре Византии, приглашает читателя совершить двойное путешествие — в пространстве и во времени. Книга приведет вас по стамбульским улицам к остаткам Константинополя, все еще хранящим память о его величии, красоте и многообразии. Несмотря на равнодушие турецких властей к этим уникальным памятникам, они до сих пор способны многое поведать внимательному наблюдателю — истории драматические и печальные, смешные и трогательные, полные приключений. Страницы путеводителя воскресят перед вашими глазами Город, словно он никуда не исчезал: проведут по дворцам, монастырям, больницам и школам, познакомят с императорами и патриархами, полководцами и евнухами, торговцами и ремесленниками, святыми и блудницами, увлекут в водоворот бурной и насыщенной жизни, некогда кипевшей в столице великой империи.

УДК 908(560-25)
ББК 26.89(5Туц)

ISBN 978-5-17-094179-7

© Сергей Иванов, 2011, 2016
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016
© ООО "Издательство АСТ", 2016
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Предисловие ко второму изданию	9
Предисловие	13
Напротив слепых	25
Святая София	34
Большой дворец	94
Акрополь	149
Археологический музей	192
Юго-восток	221
Северо-восток	292
Северо-запад	342
Юго-запад	396
Влахерны	434
Кахрие-Джами	490
Феодосиевы стены	532
За пределами “исторического полуострова” ..	576
Заключение	654
Расписание работы музеев	661
Словарик специальных терминов	662
Императоры, правившие в Константинополе ..	667
Указатель имен	676
Топонимический указатель	681

Напротив слепых

В 667 г. до н. э. жители древнегреческого города Мегара решили вывести колонию на берега пролива Босфор. Согласно легенде, мегарянин Виз запросил оракул Аполлона в Дельфах, где ему заложить первый камень, и получил от бога, как всегда, загадочный ответ: “Поселись напротив слепых!”

По легенде, сначала город хотели основать в верховьях залива Золотой Рог (где музейно-выставочный центр *SantralIstanbul*), но когда поставили алтарь и собирались принести жертву, орел схватил сердце жертвенного животного и перенес его на оконечность полуострова; это место с юга омывали воды Мраморного моря, с востока — воды Босфора, а с севера — воды залива Золотой Рог. Здесь было пересечение самых важных торговых путей: из Европы в Азию и из Черного моря в Средиземное. Тут и постро-

Андреа Вавасоре. Панорама Константинополя, XVI в.

Константин Великий. Голова от гигантской статуи, в восемь раз превышавшей человеческий рост и изготовленной в Риме около 315 г. (Палатинский дворец)

или город, названный в честь своего основателя Византием.

Напротив него, на азиатской стороне Босфора, уже стоял древний полис Халкидон. Потом, когда Византий выиграл конкуренцию у своего соседа, византийцы (или византияне?) поняли смысл Аполлонова пророчества: надо было быть и в самом деле слепыми, чтобы предпочесть неудобную холмистую местность Халкидона защищенному самой природой Византию. Позднее, Впрочем, выяснилось, что халкидоняне не так уж и слепы. В новом городе, когда он превратился в столицу, стало не хватать пресной воды, и водопроводы пришлось тянуть за двести километров. Впрочем, мы забежали вперед.

На протяжении целого тысячелетия Византий жил обычной жизнью греческих полисов: торговал, интриговал, воевал. Со временем, как и все они, подчинился Римской империи и однажды был до основания разрушен в ходе гражданской войны, а потом отстроен заново. Судьба города круто изменилась в ноябре 324 г. н. э., когда Константин I лично наметил здесь контуры будущей столицы.

Предуказанная им стена прошла в 3 км к западу от старой стены Византия — таким образом, император расширил его до 500 гектаров и переименовал в Новый Рим, или Константинополь. Но статус Города начал меняться лишь после 360 г., когда он получил своего префекта, как Рим. До этого времени столица была там, где находился император, и даже государствен-

ные архивы путешествовали вместе с ним. Лишь с 370-х гг. бюрократия окончательно обосновалась в Константинополе.

Позднее переносу столицы было приписано и религиозное значение, ведь Константина впоследствии канонизировали в качестве православного святого. Однако в действительности Константинополь вовсе не задумывался как христианская столица: в нем господствовал тот же дух религиозной мешанины, что и во всей тогдашней Империи, да и в голове ее правителя.

Основной рост Константинополя пришелся не на начало, а на конец IV в.: город Феодосия I превосходил город Константина в несколько раз, а Феодосиевы стены и по сей день обозначают центральную часть Стамбула. Примерно к концу V в. Константинополь стал крупнейшим городом мира с населением около полумиллиона человек. Там были построены акведуки, гигантские цистерны (надземные и подземные), которые и сегодня потрясают своим размахом, а также дополнительные, так называемые Длинные стены, тянувшиеся от Черного моря до Мраморного в 40 км от Города. На другом конце Евразии, в средневековом Китае, всю империю называли Фу-лин, воспроизводя греческое “полин”, Город. Никому не нужно было объяснять, какой именно город имеется в виду. Среди ромеев (так византийцы называли сами себя) ходила поговорка: “Если весь мир — это 12, то Город — 15”. Судьбы Города и Империи были неразделимы, но значение Константинополя для Византии невозможно сравнить с ролью ни одной другой столицы: ни древнего Рима, ни наполеоновского Парижа.

Историк Константин Манассия писал из заграничного путешествия: “О, земля Византия! О, трижды блаженный Город, око вселенной, украшение мира, звезда, сияющая издалека, фонарь, освещающий этот низменный мир!” А вот так звучит похвала Константинополю в Житии Иоанна Акатция: “Все те диковинки, что в других городах можно найти по отдельности, здесь обретаются одновременно. Наш Город можно уподобить общей мастерской всей земли. Сюда свозят все, что произрастает повсюду, что-то на судах, что-то на повозках. В Константинополь стекается все, подобно тому как все реки впадают в море”. Феодор Метохит, с которым мы еще не раз встретимся в этой книге,

называет Константинополь *“самым вместительным домом для людей всего мира, магнитом человечества”*. Какими только эпитетами не награждали византийцы свой Город: ключ Вселенной, око Востока, премного известный, семихолмный господин, светило небесное, наиярчайшая утренняя звезда, святой город, надежда и гордость и т. п. Западные путешественники вторили ромеям: *“Как велик этот прекрасный и благородный Город! Сколько в нем монастырей, дворцов, сколько чудес можно увидеть на площадях. И не рассказать, сколь бесчисленное тут множество золота, серебра, мощей святых!”* — восхищался, к примеру, Фюльхерий Шартрский.

Все то, что после падения Рима исчезло в Европе на века, продолжало жить и развиваться в Константинополе. Здесь были водопровод и ночное освещение, городская полиция и пожарная служба. Многие появились здесь впервые в мире, например больницы и странноприимные дома. В Городе было шесть крупных клиник, пятнадцать домов для престарелых.

Разумеется, Средневековые докатилось и до Константинополя: в 619 г., когда персы захватили Александрию, прервался подвоз египетского зерна, без которого Город не мог существовать, и уже тогда многие его покинули. В 626 г. Константинополь выдержал первую “варварскую” осаду, но его население вновь сильно проредилось: скажем, главный водопровод, разрушенный аварами, был отремонтирован лишь через полтора века. Несмотря на то что эпидемии косили людей тысячами, оставшихся все равно нечем было кормить, и в 714 г., в ожидании очередной арабской осады, император Анастасий II приказал покинуть Константинополь всем жителям, которые не имели запасов продовольствия на три года. В 740 г. обрушилась часть оборонительных стен, но у города не было сил восстановить их. Вряд ли население столицы приближалось тогда хотя бы к 50 тысячам человек. Глубочайший упадок продолжался до начала IX в.

Кризис материальной жизни сопровождался переоценкой духовных ценностей. Константинопольцы в какой-то момент в буквальном смысле слова перестали узнавать родной Город: свезенные некогда Константином со всей Империи статуи, колонны и обелиски, в прошлом вызывавшие гордость, теперь возбужда-

ли лишь страх. Из уст в уста передавались слухи, будто все иноязычные надписи суть зловещие пророчества о скорой гибели Империи, а античные статуи — почти все заколдованные. О том, как эволюционировал Город, наглядно свидетельствует разница в поведении жителей во время эпидемий чумы 542 и 747 гг. Если в первом случае трупы хоронили в городских предместьях, то во втором — по всему Городу.

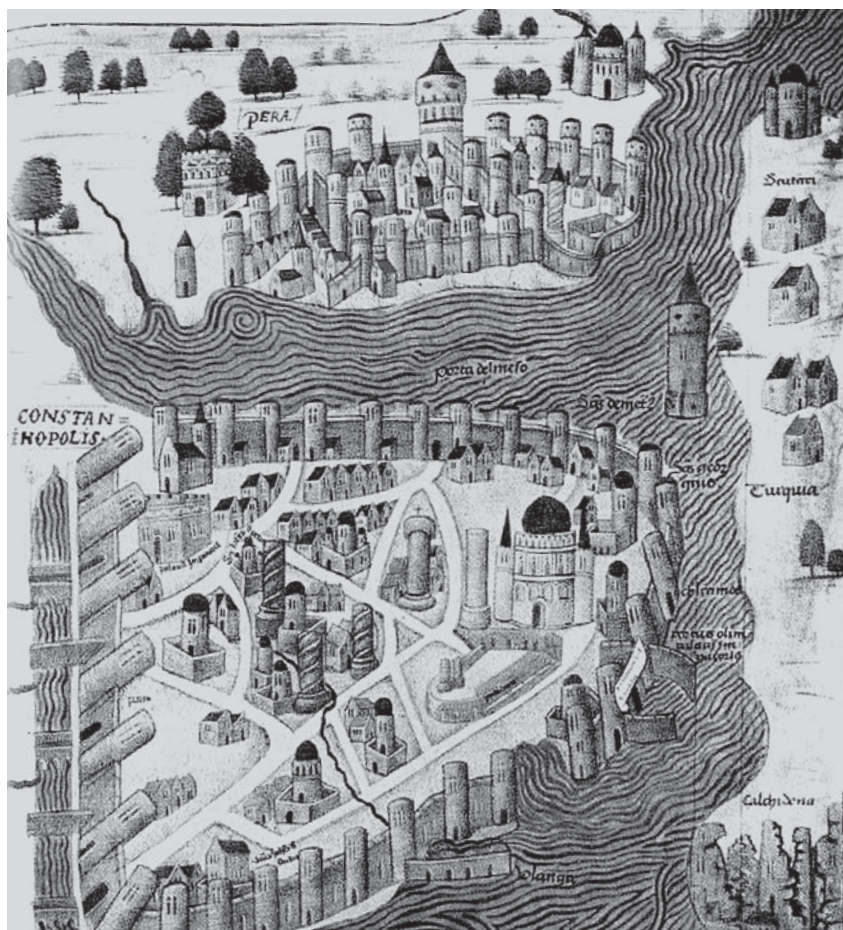
В конце ix в. Константинополь начал возрождаться, но уже в ином облике. Исчезло все то, что было отличительной чертой полисной жизни: термы, театры, жизнь на площади, редко использовался Ипподром, да и публичных мероприятий, за исключением богослужений, почти не осталось — вместо портиков люди встречались в церкви; впрочем, все больше возникало домовых часовен.

Средневековые накрыло Константинополь — и, однако, в каком еще городе мира люди в эту эпоху жили в многоэтажных домах! Это порождало удивительные парадоксы. Филолог и поэт XII в. Иоанн Цец, к примеру, так описывал свое жилище: *“Дом наш — трехэтажный, и над нами располагается священнослужитель, занимающий второй этаж. Вместе с ним там обретаются многочисленные дети, а с ними и свиньи. Вот эти-то дети и свиньи низвергают реки мочи. Следовало бы приделать над притолокой коленчатый желоб, ведущий в три корзины с известью, чтобы отвести этот чудовищный поток”*.

С IX в. и вплоть до 1204 г. Константинополь непрерывно рос. При этом отмечаются

Строительство Города. Миниатюра из Ватиканской рукописи Вергилия, V в.

Кристофоро Буондельмонти. Панорама Константинополя, 1422 г.

два пика этого роста: в начале х в., при Романе Лакапине, и в конце хі в., при Алексее Комнине. В Городе велось новое строительство, бурлила интеллектуальная жизнь, открылась философская школа, шли богословские диспуты. В дни многочисленных праздников, торжественных императорских выходов, религиозных шествий, конских ристаний и ярмарок византийцы в лучшей одежде выходили на улицы, пировали и танцевали. “В Константинополь кто

ни придет — пьян будет, — сетует Никита Хониат. — Здесь целыми неделями пьянствуют!”

xii в. принес изменения не только в жизнь простых горожан: династия Комнинов перебралась из Большого Константинопольского дворца, служившего царской резиденцией более семи веков, во Влахернский дворец на северо-западе столицы. Совершенно переменялась вся система должностей и даже их названия, стали популярны западные идеалы рыцарства и воинской доблести. Даже на константинопольском Ипподроме вместо популярных прежде бегов стали устраивать турниры, как на Западе.

Если раньше в Византии было много городов, то постепенно Империя превращалась в головастика, едва способного поддерживать собственную распухшую голову. В Константинополе, по словам английского пилигрима xii в., скопилась треть богатств всей земли. Михаил Хониат, митрополит Афинский, писал столичному другу: *“Вы, пышные граждане Константинополя, не желаете выглянуть из-за своих стен, не хотите посмотреть на древние города, окружающие вас, вы посылаете своих налоговых сборщиков, с их зубами звериными, сами же остаетесь у себя, реки всех богатств стекаются в столицу, как в единое море. Чего ради вам идти куда-то? Не лучше ли не знать ни дождя, ни солнца, сидеть дома без труда, в полноте всех благ?”*

В июле 1203 г. венецианский флот с ратью “латинян” появился под стенами Константинополя. Хронист Четвертого крестового похода Жоффруа де Виллардуэн пишет, что их войско насчитывало 20 тысяч человек, а население Города составляло 400 тысяч. Однако моральный дух жителей был подорван — они не хотели самоорганизоваться ради своего спасения. Константинополь, простоявший неприступным почти 880 лет и выдержавший за это время семь осад, наконец пал. В 1204 г. произошел второй, более страшный штурм. “Латиняне” грабили столицу три дня, и, по словам одного из участников, *“с тех пор, как стоит мир, не было столько захвачено ни в одном городе. Тот, кто доселе был беден, стал богат”*. В охватившем Город пожаре погибли неисчислимые культурные ценности.

По большому счету от этой катастрофы Константинополь так никогда и не пришел в себя, хотя и сделался вновь ромейской столицей в 1261 г. Он оставался крупнейшим городом Европы, однако

внутри его могучих стен многие кварталы стояли пустыми, огромные площади использовались под огороды, дворцы обветшали. К концу XIV в. территория Византии сжалась до размеров самого Города и его округи.

В 1453 г. османский султан Мехмет II осадил Константинополь. В течение полутора месяцев семь тысяч бойцов отбивали атаки 80-тысячной турецкой армии. Пушки разрушали древние стены, но защитники еженощно заделывали проломы. Однако во вторник 29 мая янычары в предрассветной мгле проникли в город. Враги ворвались на стены, завязались жестокие уличные бои. Последний византийский император, Константин XI, погиб, сражаясь плечом к плечу со своими воинами.

Мехмет II перенес столицу Османской империи в Константинополь, переименованный турками в Стамбул. Впрочем, название это по своему происхождению вовсе не турецкое — да-да, не удивляйтесь! Вот что пишет арабский географ Аль-Масуди в IX в.: *“Греки называют его Болин, или Истанболин. Они не зовут его “Константинина”. Только арабы кличут его так”*. Эти слова подтверждены многими путешественниками, которые с удивлением отмечали, что местные называют свой город “Стамбул”. Так, на слух мусульман, звучали греческие слова “ис-тин-болин” — “в Город”.

Константинополь величал себя “Царствующим Городом” — это словосочетание и переводилось на славянский как “Царьград”. То был для наших предков первый и в каком-то смысле единственный Город. Именно сюда “Русь” пришла с первым военным походом в 860 г. И когда княгиня Ольга приехала в Константинополь в 946 г., это был первый государственный визит в нашей истории. Золотые ворота в Киеве, а потом и Владимире, храмы Св. Софии — как киевский, так и новгородский — появились в знак почтительного соперничества с великой метрополией. Бригады мастеров из Византии строили у нас первые церкви и писали иконы, приезжие учителя переводили книги и обучали детей. В Константинополе выросла большая русская колония. О любопытстве, которое вызывали северные “варвары”, свидетельствует наш

знакомец Иоанн Цец, приводя записанную греческими буквами русскую фразу: “Здра(в?), брате/сестрица, добрый день!” Русские, в свою очередь, относились к грекам как к народу книжечеев, со смесью восхищения и насмешки, но наши паломники с неизменным благоговением ездили смотреть на православные святыни. Их восторженные отчеты о Царьграде мы частенько будем цитировать в нашем путеводителе. А сейчас — закончим вступление советом Стефана Новгородца, написавшего в 1349 г.: “А в Царьград аки в дубраву велику внити: без добра вожа не возможно ходити!”

Вот я и постараюсь сыграть роль этого “доброго вожа”.

- Дневниковые записки поездки в Константинополь А. Г. Краснокутского в 1802 г. М., 1815, 24
- Ioannis Tzetzae *epistulae*. / ed. P.L.M. Leone. Leipzig, 1972
- Vie et “synaxaire” de saint Jean Akatzios // *Analecta Bollandiana*, 101 (1983), 254
- W.J. Aerts. A Byzantine Traveller to One of the Crusader States // *East and*

West in the Crusader States. Vol. III. Leuven, 2003, 198–202

- H. Hunger. Ho Ophthalmos tes oikoumenes. Das Auge der Welt // *Neue Forschungen*. Wien, 1999, 21–27
- K. Kreiser. *Istanbul. Ein historisch-literarischer Stadtführer*. München, 2001, 17–18
- P. Magdalino. Constantinople and the Outside World // *Strangers to Themselves* / ed. D. Smuthe. Aldershot, 1998, 149–162

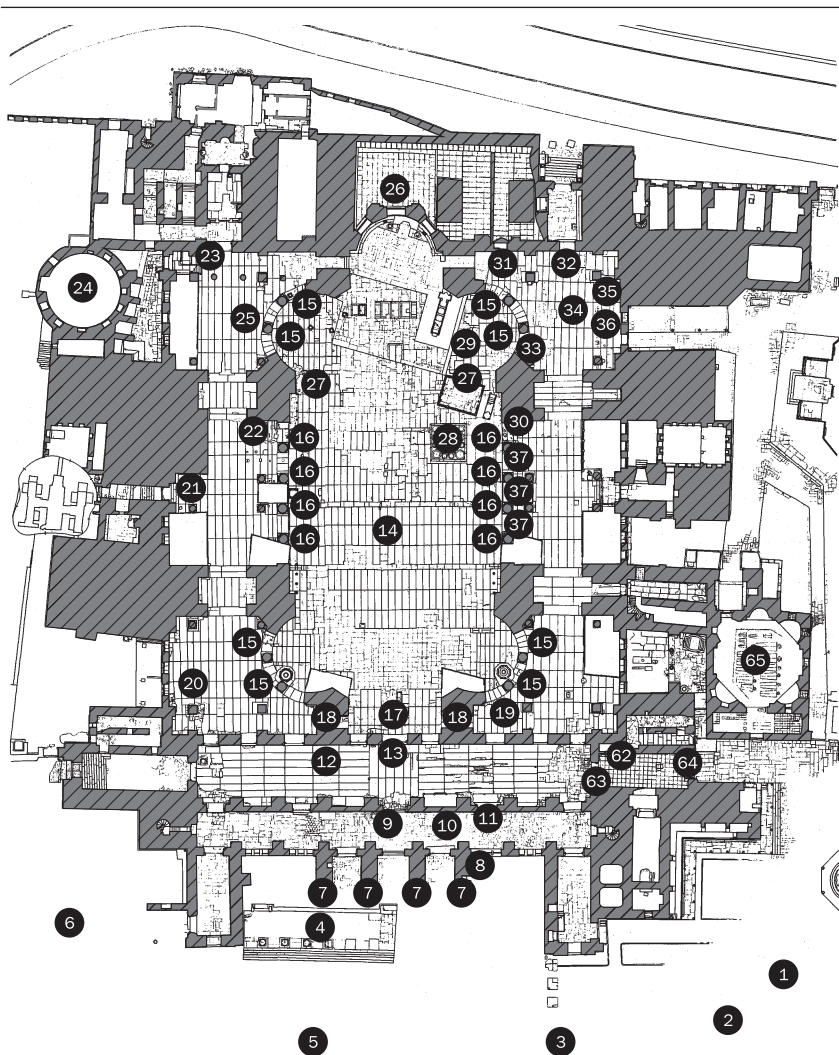
Святая София

Храм Святой Софии — Премудрости Божией есть величайший памятник византийской эпохи, и наше путешествие должно неизбежно начаться именно с него. В течение 916 лет этот храм был христианским, в течение 481 года — мусульманским. С 1934 г. здесь музей — такова была секуляризаторская политика Ататюрка, которая теперь все чаще подвергается ревизии; в частности, время от времени возобновляются разговоры о том, чтобы превратить Софию обратно в мечеть.

На пути к храму

Двор музея уставлен мраморными осколками. Перед самым пунктом билетного контроля на газоне стоит **постамент от статуи ❶** с надписью “Эсхин” (№ 186 — здесь и далее приводятся инвентарные номера музея, хорошо видимые на экспонатах). Мы точно знаем, что эта статуя была в числе тех восьмидесяти, что украшали бани Зевксиппа, в нескольких десятках метров отсюда (см. с. 149). Поэт Христордор, оставивший нам описание этой галереи, говорит, что афинский оратор был изображен с густой бородой.

Сразу за контролем слева можно увидеть **цоколь колонны ❷**, выполненный из порфира (№ 221) — темно-красного египетского камня, с сугубой важностью которого для византийцев мы будем сталкиваться еще не раз. На этой ныне исчезнувшей колонне высотой 8 м когда-то сверкала серебром статуя императрицы Евдоксии. Монумент изначально стоял поблизости отсюда, на площади Августеон; вокруг него якобы происходили народные гулянья с бесстыдными плясками и громкими песнями, которые мешали епископу Константинополя Иоанну Хризостому служить литургию. Именно из-за этого возникла ссора между Златоустом и императором Аркадием, мужем Евдоксии. Конфликт закончился ссылкой строптивного епископа и его смертью в изгнании. На цоколе

Постамент статуи	Раскоп 1935 г. ④
Эскина ①	Архитектурные обломки
Цоколь статуи	Феодосиевой Софии... ⑤
Евдоксии ②	Патриаршая
База колонны Феодосия ③	школа ⑥

Святая София. План первого этажа

две надписи. Греческая гласит: *“Посмотри на порфиновый столб и серебряную царицу там, где владыки творят в Городе справедливость. Если спросишь имя [знай, что оно] Евдоксия. Кто поставил? Наилучший эпарх Симпликий, отпрыск великих консулов”*. Латинская надпись куда лаконичнее: *“Владычице Элии Евдоксии вечно августейшей поставил Симпликий, префект Города”*.

Если двинуться по дорожке дальше, то справа можно видеть пристройки к храму, возведенные еще в византийские времена. На стенах, на уровне трех этажей, заметны следы множества примыкавших к ним арок от каких-то несохранившихся сводчатых помещений. Здесь был **Патриарший дворец**, о котором мы поговорим подробнее в конце главы.

Там, где сейчас бесчисленные туристические группы получают наставления, перед тем как войти в храм, в византийское время находился **атриум**, то есть окруженный колоннадой двор, размером 47,6 на 32,5 м.

Атриум

Единственное, что от него осталось, — это кусочек стены, включенный в основание северо-западного минарета (он перед вами слева). В центре атриума, в обрамлении восьми кипарисов, струился фонтан в форме каменной чаши с куполом — на праздник Богоявления в этот фонтан погружали кресты. Теперь здесь, среди столиков летнего кафе, разбросаны многочисленные археологические фрагменты, причем далеко не все они относятся к самой Софии. Например, **циклопическая база** (инв. № 3907) из-под исчезнувшей триумфальной колонны была привезена из Эвдомона, что за городскими стенами. На ней написано по-латыни: *“Наш господин Феодосий, благочестивый, счастливый и августейший император и могущественнейший триумфатор над варварскими народами, постоянный и повсеместный победитель, благодаря сестринским обетам, замирив всю Римскую империю, вознеся высоко”* [на колонне]. Речь идет о Феодосии II, который под влиянием своей набожной старшей сестры Пульхерии начал в 421 г. религиозную войну с Персией. Из надписи хорошо видно, как

христианская риторика начинает сливаться с империалистической, римской.

Обратим еще внимание на обломок прямоугольной стелы с инвентарным номером 145: на ней различимы полустертые следы латинской и греческой надписей, но ничего, кроме имени “Феодосий”, разобрать уже нельзя. По-видимому, эта колонна стояла на площади Филадельфийон (см. с. 280) и относится к концу IV в. и императору Феодосию I. С площади Баязида перенесли в сад Софии мраморный амвон (№ 306) из очень дорогого белого фригийского мрамора, изготовленный в VI в. Литургическая чаша (№ 325) также относится к VI в. и перенесена во двор Софии из церкви Богородицы Киру (см. с. 324). Обратим внимание, что все кресты, которые мы видим на ранневизантийских артефактах, являются “латинскими”, то есть имеют расширения на концах — такие же мы найдем и внутри храма.

Отдельная тема — многочисленные капители колонн, разбросанные по всему двору. До середины V в. коринфская капитель чаще всего составлялась двумя венчиками из листьев аканфа; типичным примером является капитель № 301. Затем на целое столетие возобладал тип с одним венчиком и идущими поверху медальонами (вроде № 504 или № 475). Третий тип коринфских капителей позволяет листьям аканфа сильно разрастись, а их стеблям так переплестись, что это создает особый геометрический узор — таковы капители из Феодосиевой Софии (например, № 224). На самом деле этих типов не менее восьми, но самым заметным сдвигом следует признать христианизацию капителей: поверх них появляются импосты с крестами (№ 164), а потом кресты оказываются вплетены в каменную листву (№ 173–175), а затем они эту листву вытесняют (№ 169, где, помимо импоста, крест добавлен на капитель в VIII–IX вв.) Признаком дальнейшей византизации капителей служит № 163, где по углам появляются четыре дельфина (см. с. 57). Поражают изображение уникальные капители № 66, 141, 331. Но наиболее интересна капитель № 289 — она относится к средневизантийскому времени и своим ориентализмом очень напоминает миниатюры и керамику этой же эпохи. Вообще, двор Софии — это Ноев ковчег Константинополя. К примеру, архитравы

Монета Феодосия II

№ 178 и 207 — это все, что осталось от Манганского дворца (см. с. 187). Ровно пара!

Слева от входа в церковь зияет оставшийся с 1935 г. большой **археологический раскоп** ④, на дне которого виден монументальный портал предыдущей Св. Софии, построенной в 415 г. Как видим, предшественница нынешней церкви начиналась восемью метрами западнее и представляла собой классическую базилику, то есть вытянутое в длину прямоугольное в плане здание, разделенное внутри несколькими продольными рядами колонн. Судя по валяющимся на поверхности кускам антаблемента, портал был выдержан в классическом духе — все фрагменты украшены эллинистическим орнаментом, лишь кое-где включающим в себя христианские символы. За входом, уже невидимо для нас, под полом нынешнего собора лежат остатки громадного пятинефного храма. Впрочем, и те фрагменты, которые открыты археологами, явно свидетельствуют, что император Феодосий II в свое время постарался на славу.

Множество **гигантских обломков** ⑤, оставшихся от прежней Св. Софии, разбросано дальше по двору. Еще дальше, к северу от нынешнего здания, начинается забор, скрывающий раскопки, — там видны фундаменты примыкавшей к храму **Патриаршей школы** ⑥, где составлялись пасхальные таблицы. Эти остатки можно хорошо рассмотреть сквозь ограду со стороны *Soğukçeşme*, 30.

Но обратимся, наконец, к постройке Юстиниана. Св. София представляет со-

бой, по сути, “храм на крови”: император заложил его в память о восстании Ника в январе 532 г., когда солдаты перебили 30 тысяч горожан, а Феодосиева церковь погибла в пожаре.

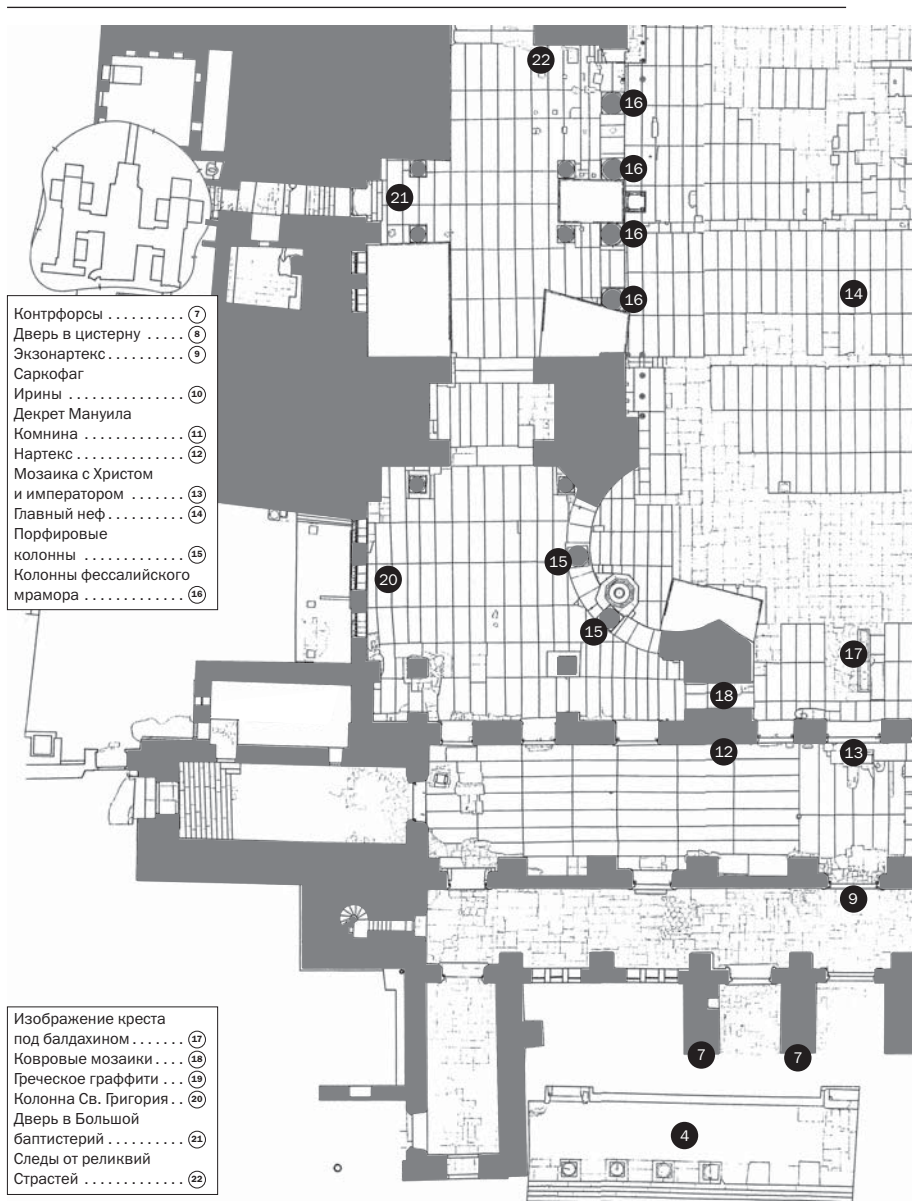
Вся мощь Империи была брошена на возведение нового собора, со всей страны свозились в Константинополь куски цветного мрамора и колонны, выломанные из языческих святилищ. Само строительство — если судить по легендам, которые потом из века в век пересказывали византийцы, — велось двумя бригадами по 5000 рабочих каждая, во главе с пятьюдесятью мастерами.

Прокопий Кесарийский писал: *“Эта церковь представляет собою изумительное зрелище, невероятное для тех, кто его видел, и вовсе не правдоподобное для тех, кто о нем слышал. Она вздымается до небес и, словно всплывая ввысь над окружающими постройками, склоняется над остальным городом”*.

Конечно, сейчас храм не производит того впечатления, как во времена Прокопия, — все-таки 1400 лет не шутка. И все же попытаемся представить, что нет в городе огромных серых желваков-мечетей, каждая из которых в свое время строилась как раз с намерением превзойти размерами Софию, что нет современных коробок-небоскребов и что вообще всякое высокое сооружение воспринималось как чудо. Если не брать в расчет египетские пирамиды, храм 600 лет удерживал рекорд самого высокого здания в мире — Софию впервые превзошел по высоте Линкольнский кафедрал в 1311 г. По высоте же внутреннего

Юстиниан I, мозаика церкви Сан-Витале, Равенна, 548 г.

Святая София. Западная часть первого этажа

